

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

УИЛЬЯМ
ЛЭНДЕЙ

ЗАЩИЩАЯ
ДЖЕЙКОБА

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
Л 92

William Landay
DEFENDING JACOB
Copyright © 2012 by William Landay
All rights reserved

Перевод с английского Ирины Тетериной
Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Ильи Кучмы

ISBN 978-5-389-16955-5

© И. А. Тетерина, перевод, 2019
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2019
Издательство АЗБУКА®

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Давайте не будем переоценивать возможности уголовного права. <...> Достаточно просто представить, что нам каким-то волшебным образом удалось перенестись примерно эдак на три миллиона лет назад, во времена, когда наш самый ранний человекообразный предок, Адам, проточеловек, низкорослый, мохнатый и не так давно начавший передвигаться на двух ногах, рыскал по африканской саванне в поисках пропитания. Так вот, думаю, все согласится с тем, что, какие бы законы мы ни провозглашали этому маленькому сообразительному созданию, пытаться его погладить все равно было бы крайне неразумно.

Рейнард Томпсон.

Общая теория человеческого насилия. 1921

1

Большое жюри

М-р Лоджудис: Пожалуйста, назовите ваше имя.

Свидетель: Эндрю Барбер.

М-р Лоджудис: Кем вы работаете, мистер Барбер?

Свидетель: Я двадцать два года был помощником прокурора этого округа.

М-р Лоджудис: «Был»... А кем вы работаете в настоящее время?

Свидетель: Наверное, можно сказать, что я безработный.

В апреле 2008 года Нил Лоджудис наконец вызвал меня в суд на заседание большого жюри¹. Но было уже слишком поздно. Определенно слишком поздно и для дела, и для самого Лоджудиса тоже. Его репутация была безнадежно испорчена, а вместе с ней и карьера. Прокурор может какое-то время протянуть с испорченной репутацией, но его коллеги будут следить за ним, как волки, и в конечном счете выдавят его ради блага всей стаи. Сколько раз я уже такое видел: помощник окружного прокурора совершенно незаменимый вчера и полностью забытый сегодня.

¹ *Большое жюри* — в судопроизводстве США расширенная (численностью от 12 до 23 человек) коллегия присяжных заседателей, которая определяет обоснованность и целесообразность предъявления кому-либо официальных обвинений. Названо так потому, что в нем участвует большее число присяжных заседателей, чем в суде присяжных, также известном как малое жюри. — *Здесь и далее примеч. перев.*

Я всегда питал слабость к Нилу Лоджудису (ударение на второй слог). В прокуратуру он пришел лет десять с небольшим тому назад, прямо со студенческой скамьи, в двадцать девять лет. Невысокий, с намечающейся лысиной и аккуратным брюшком. Рот его казался чересчур маленьким для такого количества зубов, и ему приходилось закрывать его с усилием, точно туго набитый чемодан, отчего лицо приобретало кислое выражение, а губы собирались в куриную гузку. Я старался напоминать ему, чтобы не делал такое лицо перед присяжными, — брюзгливых людей не любит никто, — но у него это выходило произвольно. Он замирал прямо перед ложей присяжных, качая головой и поджав губы, словно строгая классная дама или священник, и каждый из присяжных испытывал тайное желание проголосовать против него. В прокуратуре Лоджудис пользовался репутацией пролазы и лизоблюда. Коллеги не упускали случая его поддеть. И ладно если бы только такие же, как он, помощники прокурора, но нет, по нему проходились буквально все, даже те, кто не имел к прокуратуре непосредственного отношения, — копы, клерки, секретари, люди, которые обычно не позволяют себе относиться к прокурорским с неприкрытым презрением. С чьей-то легкой руки к нему прилипло прозвище Милхаус, в честь глуповатого героя из «Симпсонов», и как только окружающие не изошрялись, коверкая его фамилию: ЛоДурис, Лошурис, Лопухис, Лажалис, Сид Вишес и так далее, и так далее, и так далее, и так далее. Я же ничего против Лоджудиса не имел. Он был всего-навсего наивен. Из самых лучших побуждений ломал людям жизни, и угрызения совести не мешали ему спокойно спать по ночам. Ведь он преследовал только плохих! Это Глобальная Прокурорская Ошибка — они плохие, потому что я их преследую, — и Лоджудис был не первым, кто угодил

в эту ловушку, так что его праведный пыл казался мне простительным. Мне он даже нравился. Лоджудис imponировал мне именно своими странностями, своей непроизносимой фамилией, своими торчащими зубами — которые любой другой из его сверстников уже давным-давно исправил бы при помощи дорогущих брекетов, оплаченных, разумеется, из кармана папы с мамой, — даже своим неприкрытым честолюбием. Было в нем что-то такое, что вызывало у меня уважение. Та стойкость, с которой он держался, несмотря на всеобщую неприязнь, то, как упрямо гнул свою линию. Он определенно был парнишкой из рабочего класса, исполненным решимости заполучить то, что многим другим жизнь преподнесла на блюдечке с голубой каемочкой. В этом, и только в этом отношении он, пожалуй, был очень похож на меня.

Теперь, десять с лишним лет спустя после появления в прокуратуре, несмотря на все свои заскоки, он добился своей цели, ну, или почти добился. Нил Лоджудис был первым заместителем, вторым лицом в прокуратуре округа Мидлсекс, правой рукой окружного прокурора и старшим следователем. Он занял мое место — этот парнишка, который когда-то сообщил мне: «Энди, я очень хочу когда-нибудь достичь ваших высот». Мне следовало бы это предвидеть.

В то утро в зале, где заседало большое жюри, царил мрачная, подавленная атмосфера. Присяжные, тридцать с небольшим мужчин и женщин, у которых не хватило ума найти способ увильнуть от исполнения своего гражданского долга, сидели, втиснутые в тесные школьные кресла с каплевидными столиками вместо подлокотников. Все они уже отлично понимали, в чем будет заключаться их задача. Большое жюри созывается на несколько месяцев, и его члены очень быстро уясняют, что от

них требуется: обвинить, указать пальцем, заклеить грешника.

Заседание большого жюри — это не суд. В зале нет ни судьи, ни адвоката. Бал тут правит прокурор. Это расследование и — в теории — проверка позиции прокурора на прочность, поскольку большое жюри решает, располагает ли тот вескими основаниями для того, чтобы притащить подозреваемого в суд. Если таких оснований достаточно, большое жюри выносит вердикт о привлечении его к суду в качестве обвиняемого, выдавая тем самым прокурору билет в Верховный суд. Если же нет, выносится постановление об отказе в обвинительном акте и дело закрывается, не начавшись. На практике подобное случается крайне редко. Как правило, большое жюри решает, что делу необходимо дать ход. А почему нет? Они видят только одну сторону.

Но в данном случае, подозреваю, присяжные понимали, что Лоджудису ничего не светит. Не сегодня. Глупо даже надеяться докопаться до истины — с такими-то тухлыми уликами, да еще и после всего, что успело произойти за это время. Минуло уже больше года — двенадцать с лишним месяцев с тех пор, как в лесу было обнаружено тело четырнадцатилетнего подростка с тремя колотыми ранами на груди, расположенными так, как будто в него воткнули презубец. Но дело было не во времени — не столько во времени. Дело во всем остальном. Было уже слишком поздно, и большое жюри это понимало.

И я тоже это понимал.

И лишь Лоджудис держался как ни в чем не бывало. Собрав губы в эту свою куриную гузку, он сосредоточенно перечитывал собственные записи в большом желтом блокноте, обдумывая следующий шаг. Еще бы, ведь я сам

его этому и научил. Это мой голос звучал сейчас в его мозгу: не важно, что дело заведомо проигрышное, — придерживайся системы. Играй в эту игру по тем самым правилам, по которым в нее играют последние пятьсот с гаком лет, используй ту самую неизменную тактику, к которой прибегают при перекрестном допросе: заманиваешь, подавливаешь — и берешь голыми руками.

— Вы помните, при каких обстоятельствах впервые услышали об убийстве этого мальчика, Рифкина? — спросил он.

— Да.

— Опишите их.

— Мне позвонили, если не ошибаюсь, из ОПБП¹ полиции штата. Потом один за другим последовали еще два звонка — из полиции Ньютона и от дежурного прокурора. Возможно, не конкретно в таком порядке, но телефон начал разрываться сразу же.

— Когда это было?

— В четверг, двенадцатого апреля две тысячи седьмого года, примерно в девять часов утра, вскоре после того, как было обнаружено тело.

— Почему позвонили именно вам?

— Я был первым заместителем. Мне докладывали обо всех убийствах в округе. Это стандартная процедура.

— Но вы же не оставляли все эти дела у себя, так ведь? Не занимались расследованием каждого убийства и не вели дела в суде лично?

— Нет; разумеется, нет. У меня просто не хватило бы на это времени. Я крайне редко оставлял такие дела у себя. Большую часть поручал другим следователям.

— Но это оставили у себя.

— Да.

¹ Отдел по предотвращению и борьбе с преступностью.

— Вы сразу же решили, что возьмете его сами, или приняли это решение позднее?

— Я принял это решение практически сразу же.

— Почему? По какой причине вы захотели взять именно это дело?

— У меня с окружным прокурором Линн Канаван существовала договоренность, что определенные дела я буду вести лично.

— Какого рода дела?

— Особой важности.

— Почему именно вы?

— Я был старшим следователем прокуратуры. Она хотела быть уверена в том, что важные дела расследуются на высоком уровне.

— Кто определял степень важности дела?

— На раннем этапе я. По согласованию с окружным прокурором, разумеется, но в самом начале все всегда происходит очень быстро. Времени на совещания обычно нет.

— Значит, это вы классифицировали убийство Рифкина как дело особой важности?

— Разумеется.

— Почему?

— Потому что погиб ребенок. Кроме того, у нас были опасения, что сведения могут просочиться в средства массовой информации, и тогда не миновать шумихи. Пресса обожает такие дела. Богатый район, жертва из состоятельной семьи. У нас уже было несколько подобных случаев. К тому же сначала мы толком не знали, что именно произошло. По некоторым признакам это напоминало школьное убийство, что-то в духе школы «Колумбайн». В общем, мы на тот момент ни черта не понимали, но дело выглядело как потенциально громкое.

Если бы оказалось, что там на самом деле какая-нибудь ерунда, я бы потом просто передал его кому-то другому, но в первые несколько часов мне нужна была уверенность в том, что все будет сделано как надо.

— Вы доложили окружному прокурору о том, что у вас в этом деле возникает конфликт интересов?

— Нет.

— Почему?

— Потому что никакого конфликта интересов у меня не было.

— Разве ваш сын Джейкоб не учился в одной параллели с погибшим мальчиком?

— Да, но я лично не был знаком с жертвой. И Джейкоб тоже, насколько мне было известно. Я даже имени его никогда не слышал.

— Значит, вы не знали погибшего ребенка. Хорошо. Но вы знали, что он и ваш сын учились в одной и той же параллели одной и той же средней школы одного и того же города?

— Да.

— И тем не менее не считали, что у вас возникает в этом деле конфликт интересов? Не считали, что ваша объективность может быть поставлена под сомнение?

— Нет. Разумеется, нет.

— И даже теперь? Вы настаиваете на том, что... Даже теперь вы *все равно* не считаете, что в сложившихся обстоятельствах не создавалось даже *видимости* вашей личной заинтересованности?

— Нет, в этом не было ничего противозаконного. И даже необычного. Тот факт, что я проживал в городе, где произошло это убийство? Так это было и хорошо. В небольших округах прокурор нередко живет в общине, где происходит убийство, и знает людей, которых

оно затрагивает. И что? От этого он просто еще сильнее хочет, чтобы убийца был пойман. Никакой это не конфликт интересов. Если так на все смотреть, у меня конфликт по всем делам. Это моя работа. Было совершено чудовищное преступление, и в мои обязанности входило им заниматься. Именно так я и намерен был поступить.

— Ясно.

Лоджудис уткнулся в свой блокнот. Нет смысла набрасываться на свидетеля раньше времени. Он, без сомнения, вернется к этому вопросу позже, когда я буду измотан. А пока что лучше не гнать волну.

— Вы осведомлены о правах, гарантированных вам Пятой поправкой?

— Разумеется.

— И вы отказались от них.

— Как видите. Я здесь. Разговариваю с вами.

В рядах присяжных послышались смешки.

Лоджудис положил свой блокнот, а вместе с ним, судя по всему, и на какое-то время отложил свой план.

— Мистер Барбер... Энди, могу я задать вам один вопрос? Почему вы не воспользовались своими правами? Почему не отказались давать показания?

Следующее предложение — «Я бы на вашем месте именно так и поступил» — он оставил висеть в воздухе недосказанным.

На мгновение я решил, что это тактический прием, элемент игры на публику. Но Лоджудис, похоже, не притворялся. Он опасался, что я что-то задумал. Ему не хотелось, чтобы его обвели вокруг пальца и выставили дураком.

— Я не откажусь давать показания. Хочу, чтобы была установлена истина.

— Какой бы она ни оказалась?

— Я верю в систему, как и вы, как и все остальные, присутствующие в этом зале.

А вот это уже была не вполне правда. Я не верю в судебную систему и уж точно не считаю, что она способна эффективно установить истину. Как и любой юрист. Слишком много ошибок мы все видели, слишком много скверных результатов. Вердикт жюри — это всего лишь предположение, пусть обыкновенно и подпитываемое благими побуждениями, но путем голосования факт от вымысла отличить невозможно. И тем не менее, несмотря на все вышесказанное, я верю в силу ритуала. Верю в религиозный символизм, в черные мантии, в беломраморные дворцы правосудия, похожие на греческие храмы. Когда мы вершим суд, мы служим мессу. Совместно молимся о том, чтобы справедливость восторжествовала, а зло понесло наказание, и это стоит делать вне зависимости от того, доходят ли наши молитвы по назначению.

Разумеется, Лоджудис всю эту пафосную чушь не оценил бы. Он жил в двоичном юридическом мире, где ты либо виновен, либо нет, и был намерен не дать мне вырваться за его рамки.

— Значит, вы верите в систему, да? — хмыкнул он. — Что ж, Энди, тогда давайте к ней вернемся. Пусть система сделает свое дело.

Он устремил на присяжных многозначительный взгляд, исполненный самолюбования.

Ты ж мой умница! Не позволяй свидетелю прыгнуть в постель к присяжным — прыгай к ним в постель сам. Прыгай и сворачивайся калачиком под одеялом рядом с ними, а свидетель пусть остается с носом. Я ухмыльнулся. Честное слово, я бы встал и заплодировал ему, если бы было можно, потому что сам его этому научил. Не стоит отказывать себе в законном поводе для гор-

дости. Выходит, не так уж я и плох — ведь удалось же мне в конце концов сделать из Нила Лоджудиса некоторое подобие пристойного юриста.

— Ну, давайте уже, — произнес я, утыкаясь носом в шею присяжных. — Нил, заканчивайте кружить вокруг да около и переходите к делу.

Он устремил на меня взгляд, затем вновь взял в руки свой желтый блокнот и принялся проглядывать заметки, ища нужное место. На лбу у него практически огненными буквами было написано: «Заманиваешь, подлавливаешь — и берешь голыми руками».

— Хорошо, — произнес он, — давайте вспомним о том, что произошло после убийства.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	5
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	147
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	313
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ	497

Лэндей У.

Л 92 Защищая Джейкоба : роман / Уильям Лэндей ; пер. с англ. И. Тетериной. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 544 с. — (Звезды мирового детектива).

ISBN 978-5-389-16955-5

Эндрю Барбер — первый заместитель окружного прокурора в престижном пригороде Бостона. Почти тридцать лет своей жизни он отдал борьбе с преступниками. И когда мальчика, вместе с которым Джейкоб, четырнадцатилетний сын Барбера, учился в школе, находят убитым, Эндрю полон решимости найти виновного. А как иначе, если на кону стоит безопасность собственного ребенка и спокойствие жителей родного города! Однако серьезная улика указывает на то, что убийцей может оказаться Джейкоб. Отстраненный от следствия, Эндрю готов пойти на все, лишь бы доказать, что его единственный сын никого не убивал. Отныне для него и его жены Лори существует лишь одна цель — защита Джейкоба.

Впервые на русском!

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание

УИЛЬЯМ ЛЭНДЕЙ
ЗАЩИЩАЯ ДЖЕЙКОБА

Ответственный редактор Янина Жухлина
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Ирина Киселева, Елена Терскова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 29.08.2019. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 34. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1.
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

H-RBD-25442-01-R